

Валерий Любушин

В ритмах

музыки...

ВАЛЕРИЙ ЛЮБУШИН

В РИТМАХ МУЗЫКИ

ЛИРИКА

**Петропавловск
2003 г.**

**Посвящается моим детям -
Инне и Александру**

В. Любушин

Иллюстрации И. Горбунова

Любушин В. В ритмах музыки. Петропавловск 2003, с.63

В книге осуществлен опыт лирической автобиографии через любимые мелодии и музыку, оставившие глубокий след в душе.

B. J. Lynn

Музыка - преодоление молчания,
Воркованье девичьей души,
Музыка вне дразг и сплетен, вне ворчанья,
Волхованье в тайниках глуши.

Музыка – преображение рыдания
В тот мотив, что в дом с собой беру,
Музыка – восторг от первого свиданья,
Взлёт пушинки легкой на ветру.

Музыка – луч солнца в ранний час восхода,
Всхлип любви и шалость на бегу...
Музыка – паренье духа... и свобода...
Я ее для счастья сберегу.

Музыка – струны божественной касанье,
Нет ее желанней и родней,
Музыка – в любви единственной признание,
Радость от рождественских огней.

А в душе темным-темно, как в глухомани,
Не играет больше в сердце хмель,
Неужели мы расстанемся с друзьями
И не вспомним вешнюю капель?

Но я верю в гармонические трели,
В то, что к нам вернётся сам Орфей
И сыграет на своей простой свирели
Музыку любви, небес, полей...

24.07.2002 г.

Я сторож любви, охраняющий улицу детства,
Я ею взращён был с пелёнок до Судного дня...
Менялись названия её... и дома по соседству,
И парк городской одевался весной в зелень.
Я помню сиреневый куст, что грустил на закате,
Он кланялся мне весь в соцветьях и дивной красе,
Я девушку помню в цветастом и ярком наряде,
Которой, возможно, лишь место на Божьем холсте.
Слышна «Рио-Рита», мелодия века и ретро,
В ней столько задора и нежности, столько мечты...
Слова заарканены в песню влюблённого ветра,
Что сможет взлететь до причалов далёкой звезды.
Я сторож любви, охраняющий улицу сказок,
Где я повстречался впервые с надеждой своей,
Теперь она канула в мир из иллюзий и масок,
Но как упоительно в этом театре теней!

Июль 2002 г.

Звучал на небе птиц восторженных оркестр
С картавым присвистом, весёлым щёлком...
Жизнь вдруг напомнила студенческий семестр,
В нём смысла больше, чем на книжной полке.
Греми, оркестр любви! Ликуй во всю, душа!
Я не изгой, не жалкий самозванец...
В забеге жизни нашей, к финишу спеша,
Мы славим яркий совести румянец.
А на груди своей кормилицы-земли
Спит мир любви в обличии ребёнка...
Ей парки* на ночь косы счастья расплели,
Чтоб снова Божьей расчесать гребёнкой.

1978 г

*Парки (лат.)—В римской мифологии богини судьбы, прядущие нити человеческой жизни.

Музыка возникла

тихо и воочью

В щебетанье птичьим

и весенней ночью.

Заглянул я с нежностью

в девичьи глаза,

И внутри запели

от счастья голоса.

Губы улыбнулись,

и, как спелый колос,

Засверкал, ликуя,

у девчонки волос,

Заискрился золотом,

заиграл лучась,

В сердце робким стрепетом

музыка влилась.

1960 г.

Песня залетела гостьей нежной
На крылах любви, а не вражды...
В небе, до беспамятства безбрежном,
Засияли ярко две звезды.

Может быть, в далёком мирозданье,
Где во тьме встречаются века,
Разговор ведут на расстоянье,
Улыбаясь нам издалека.

Льются, растревожив душу, звуки,
Свет в ночной мерцает вышине,
На рояль твои ложатся руки
И плывут в дрожащей тишине.

Музыка так голову вскружила,
Что запела в сердце соловьем...
Чем же ты меня заморозила,
И как это чувство назовём?

Нет ответа... Разве сила чувства
Не воскреснет в ночь под Рождество?
И, хотя предощущенье грустно,
Не исчезнет наших душ родство.

Так чего ж молчишь ты, как чужая,
И винишь в разладе лишь меня...
Нет любви вне страсти и пожара,
Нет костра без искры и огня!

1961 г.

Весенний вальс

Как причудливо в воздухе пляшут снежинки.
Город в белую сказку одет напролет,
Но в глубинках окраин таит он грустинку,
Он любимую ждет, а весна не идет.

Но уже проступает в природе улыбка,
Солнце в танце веселом бормочет напев,
И качается в небе любви нашей зыбка,
И стучит все настойчивей в сердце капель.

В ритме вальса рождается юности сказка,
В ритме вальса возникнет улыбка твоя,
И закружится все: голова, мир - и ласка
Возродится, как танец, и уйдет от меня.

И пускай ошалело щебечут пичуги,
Март - начало вселенского хмеля всерьез,
А любовь - это, право, великое чудо.
Так давайте пьянеть от нее и от слез!

Ах, весенняя смута! Ах, радость открыться
Небосводу лазурному, милым глазам!
Поднимаю бокал я с весельем игристым
За любовь! Никому я ее не отдам!

Март 1994 года

Любовь, нас увези в глухое Петухово,
Целуй нас, ветер, ласковый, бедовый...
Луна и звезды запевают дружным хором,
И ночь ликует в ритмах вальса снова.

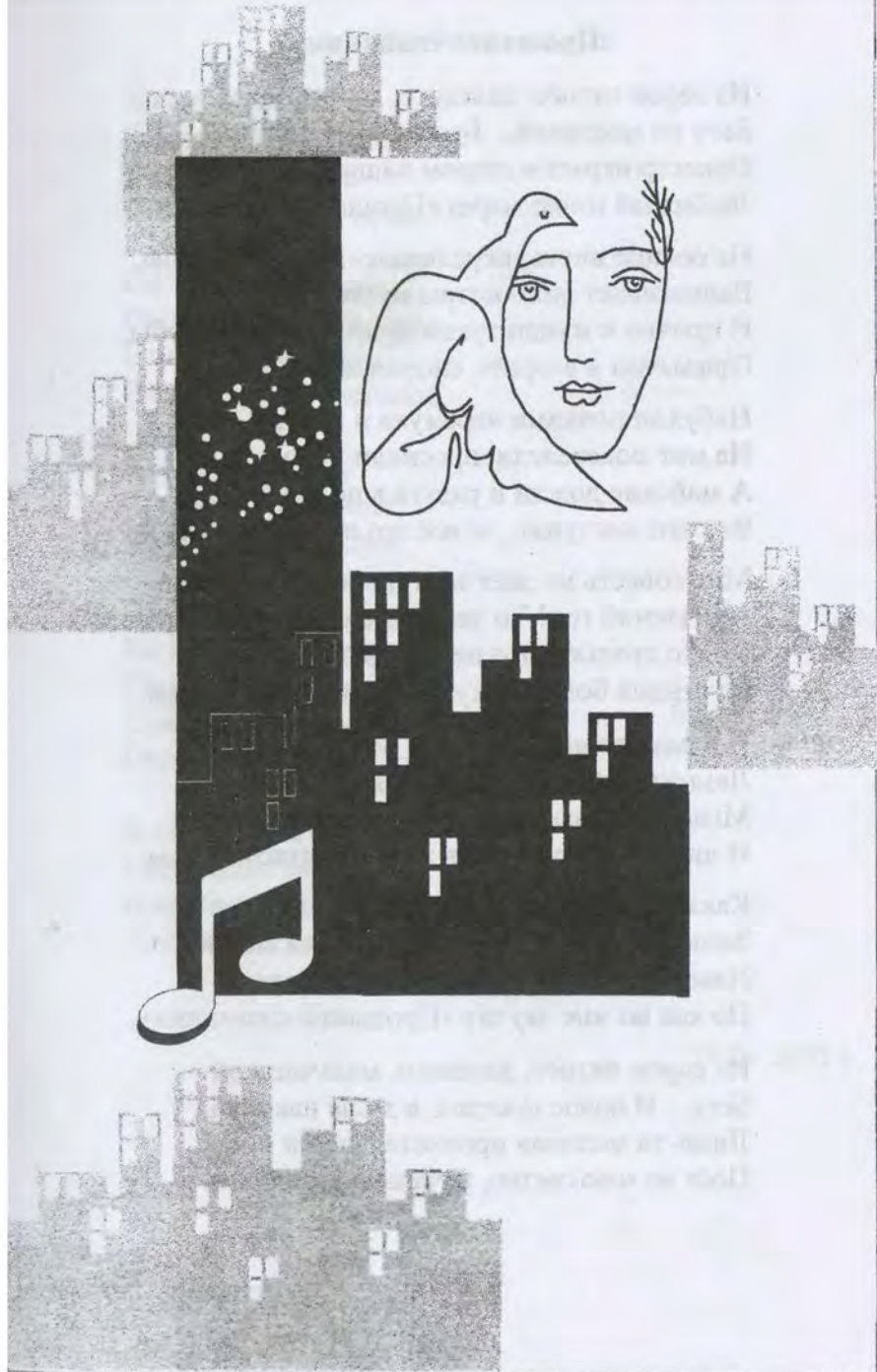
Мы не забудем запах мартовского снега,
Ковер пушистый, тающий и нежный,
Накроет нас ... не совершим тогда побега
Из плена чудного, где так безбрежно.

Преодолеем боль и бремя увяданья,
Не погасить в глазах любви сиянье,
В котором лишь одно отражено желание -
Не отдавать ее всем на закланье.

Уйдем мы в царство трав, их шелест, в шорох леса,
Взлетим, где реют облака и флаги...
Улыбкой в семь цветов, дугою на все веси
Построим мост из солнца и из влаги.

Прекрасен вид берез, красавиц белотелых,
И волос твой, что волны океана,
Я верю, верю в золотые плесы, мели,
Что явлены в полотнах Левитана.

Раскинув смело крылья улиц, скверов, парков,
Мой город рос на берегах Ишима,
Он, музыкой представ святых Петра и Павла,
Стал песнею и клятвой нерушимой.

«Прощание славянки»

Из сорок пятого, далёкого, мальчишка,
Бегу по мостовой... Бульжники и ямки...
Оркестр играет в старом нашем городишке
Любимый мною марш «Прощание славянки».

На солнце вновь, переливаясь, блещут трубы,
Вышагивает лихо метры музкоманда,
И прочно к мундштукам припали чьи-то губы,
Привычно и всерьёз, сноровисто и ладно.

Набухли почками черёмуха и вербы,
На миг повеселели, просияли лица...
А майские дожди и радуга в полнеба
Вот-вот наступят... и всё это не приснится.

Мне совесть не даёт заснуть сейчас ночами.
Ах, давний год! То легкомысленный, то страшный...
Убито столько, что не вычерпать годами
Из сердца боль, тоску и горечь по отважным.

И в памяти моей поэтому не стёрты
Людские эшелоны, обмороки, слёзы,
Мгновенно выцветшие с горя гимнастерки
И письма фронтовые в жанре краткой прозы.

Какая музыка взмывает нынче в небо!
Заглохли в Праге и на Эльбе наши танки,
Наверное, погибших ждать уже нелепо,
Но как во мне звучит «Прощание славянки»...

Из сорок пятого, далёкого, мальчишкой
Бегу... И волос поседел, в душе наколка,
Лишь та мелодия пронзительней и чище
Поёт во мне светло, печально и надолго.

Сентябрь 1996 года.

Я выглянул в окно.
Задул желанья ветер...
Опять любви вино
Пьянило летний вечер.

Он захмелел, запел...
Он весь дурман и запах,
От счастья ослабел
И стал совсем растяпой...

Чего-то лопотал,
Кому-то объяснялся,
Он разум свой терял
И даже извинялся.

Но вечер был поэт,
Он в музыку вживался...
Стихами, как атлет,
Свободно разражался.

И подарил он мне
Тот аромат творенья,
В котором, как во сне,
Замедлились мгновенья

27.05.2002 г.

«Брызги Шампанского»

Ночь такая бездомная,
Вся из шорохов, звезд,
И плывет танго модное
Средь пылающих роз,

Аромат одуряющий,
Мне всего двадцать лет -
Вот какой впечатляющий
Нашей встречи сюжет.

Снова «Брызги шампанского» -
Моей юности свет.
Из бывшего, неясного
Мне верните билет!

Ты такой нарядная,
Маков мой первоцвет,
В платье ситцевом ладная,
Восхищение и бред.

Я весь таю от музыки,
Опьяняюсь тобой,
Косы длинные, русые
И платок голубой.

Очи милые, страстные,
Как смеются они...
Очень нежные, разные
В них горят огоньки.

Ритмы стонут нерусские,
Хоть люби, хоть пытай,
То томительно грустные,
То влекущие в рай.

Сердце в танце заходится,
Ох, со мною беда!
Но, наверное, водится,
На земле так всегда.

Я, любовью израненный,
На распутье времен,
Я тобой в назидание
Заарканен, пленен.

Ночь, истаяв, прощается,
Чуть алеет заря.
Танго, всхлипнув, кончается,
Жизнь прожита не зря.

Октябрь 1996 г.

Любовное ретро

Ночь влюбленных, танцуй с упоением!
В платье черном из бархата с шлейфом из звезд.
Чтоб пажи пред тобой в восхищении
Устилали твой путь алой россыпью роз.
Стражник я, весь тобой околдованный,
Месяц с неба улыбкой приветно блеснул,
И стою, словно в цепи закованный,
И грешу невпопад на бедняжку - весну.
Я рванулся к любимой, как знаменье,
Я к ладоням приник, в сердце боль и вина...
И волос водопад в назидание
Заструился послушно в руках у меня.
Утро в трубы играет мажорное,
Солнце вновь пригревает... Какая теплынь!
Отступают дурное и вздорное,
И смеется от счастья небесная сень.

Март 1997 г.

Мы все отходы бытия,
Остывший пепел дряг и пьянства.
О где ты, музыка моя!
Душа, поэзия и братство!

Хочу гармонию найти
В кривых зигзагах перестроек,
Стремлюсь в надёжный дом войти,
Но в нём уж лаз для мины роют.

Бегу тогда в молчащий лес,
Кричу от боли, возмущенья:
"Зачем вселился в души бес,
Зовущий только к жажде мщенья?"

И не спасут тут нас любовь,
Терпение, послушность даже.
Когда ж лучом надежды Бог
Согреет мир, чтоб был он краше?

Чтоб проникал в сердца людей
Он всё нежнее и милее,
Иначе холод, суховей
И смерть окажутся сильнее.

Но хватит! Сумрак этих строк
Так веет горечью и хмелем,
И если дан нам всё же срок,
Преодолеем топь и мели.

Алматы, 30 апреля 1996 года.

Накатывал вечер, сиреневый, мгlistый,
В нём царствовал тайный пленительный грех,
Задорно, зазывно, октавою чистой
Звучал парижанок чарующий смех.

Бренчали вальяжно гитар переборы,
Каштан за каштаном разбрасывал лист,
И парочки таяли в тьме, точно воры,
И был королём настроенья каприз.

Каприз – то прыжок в мир легенды и сказки,
Который воспет Антуаном Ватто.
Галантные дамы ... Галантные ласки,
Галантные встречи в каретах, в манто.

О Век рококо, прихотливый, изящный!
Манон и Гриё, гильотина, де Сад ...
Век страстный, безумный, великий и страшный,
Век райский, век – эрос, век – разум, век – ад!

А в будущем явят мордашки гризетки,
И Эйфеля башня лишь абрис в мечтах,
На кортах в прыжках зарезвятся нимфетки
С ракеткой-судьбой в загорелых руках.

Неведомо им, что печалью так часто
Насытят их душу, затопчут года,
Тела для любви, для утех и для счастья...
И кровью история станет сыта.

Всё это покажет нам Фата Моргана,
Парижская сводня, колдунья, беда,
Поманит, притянет и петель аркана
Вовсю околдует, но бросит всегда.

24-25 июля 1996 г.

«Амурские волны»

Старинного вальса призывные звуки
Разносятся грустно, возвышенно, скромно...

«Амурские волны» - вас деда и внуки
Всегда танцевали под небом огромным.

Под пологом ночи, под синим покровом,
Где звёзды влюблённо на землю мигают,
Где в бликах фонарных и жёлто-багровых
Таинственно ели на мир наш взирают.

Там музыка царствует, молодость правит,
Там бал для красивых, надёжных, отважных,
Там пышут здоровьем, мечтою и правдой,
Там столько любимых и столько бесстрашных...

Поручик в мундире, смущённый и ловкий,
Кружит по площадке с избранницей страстно,
Она же в порыве, откинув головку,
Плывёт в ритмах вальса стремительных, частых.

Не нужно тут слов и пожатий несмелых,
Не писем безумных, уклончивых, важных...
Здесь музыка в душах, прекрасных и светлых,
Здесь вальса побег восторгами свяжут.

Уж минуло много годов и угасло...
Ушли поколения... След затерялся,
Но вновь воскресает упорно и властно
Пленительный ритм старинного вальса.

Он нынче изгнанник, но молод и вечен,
Он вдруг закружит так, шутя, полпланеты...
И сбросим с себя омертвелые речи,
Бескрылые путы и вражьи наветы.

И пусть вальс не моден. Но вы мне поверьте,
Нет истины выше, чем жизнь человека...
«Амурские волны» - вы наше бессмертье,
Вы наша надежда, мелодия Века!

Сентябрь 1996 г.

Весна

Еще в перехлестах метели
И вое истошном зимы
Мелодию звонкой капли
Вдруг чудом слышали мы.

Как быстро лазурью веселой
Оделись снега и дома,
Проснулись в глубинке поселки,
Железом задорно гремя.

Щебечут заботливо птахи
И славят весну в городах,
Как черные нотные знаки,
Уселись на всех проводах.

Тут вспомнишь про детство, каштаны
И радугу, что каланча,
Про дождик, когда ты бесштаный
По лужам даешь стрекача,

Про сердца восторженный трепет,
Который в девчонке будил
Ответное чувство, про лепет,
Что рифмой звучал из груди,

Когда хорошели от ласки
И счастья любимой глаза ...
Как жаль, что не время для сказки,
И сохнут криницы от зла.

Я верю возвышенно в чувство,
Которое будет шестым.
Весной так прекрасно и грустно,
Что мы ее жаждем, хотим.

Март 1997

Осень

Сени, Осень, свои раскрой,
И мотив мне модный напой!
Из багрянца парка покрой.
Он шуршит листвою под ногой.

О любви, все внутри вороша,
Вдруг запела с грустью душа.
Густ осенних красок настой,
От него и радость с бедой.

Солнце нежится и добрей
Согревает детей, зверей.
Бабье лето - вальс во дворе,
Бал прощания в октябре.

Как звучит с мольбой саксофон,
Словно Бога просит о том,
Чтоб не мерзла чья то душа,
Чтоб согрелась и в жизнь пришла.

Этот мир - он и рай, и ад.
Все зависит от нас с тобой.
Так куда же птицы летят.
И зачем немоты покой?

Октябрь 1996 г.

Моцарт

«Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество!»

А. Блок

Маэстро, клавесин и кипа свежих нот,
Пленителен шалун из дамского алькова,
И музыка его – в Эдем полёт,
Она как лёгкое дыхание от Бога.

Он ростом невысок, и стать его легка,
Он мальчик хилый средь мужей придворных,
Но как остёр язык, а выдумок – река,
Он – царь-олень среди собачьей своры.

В камзоле красном, с буклями парик,
Он в чехарду затеял перепрыжку,
И смех запрыгал, как ребёнок, и затих,
А на траве нечитанная книжка.

Простим ему дурачества его,
Веселье в скорби, грусть во время смеха.
У Моцарта одно лишь божество,
И только он один ему помеха.

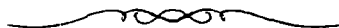
Злопамятства из Вены не избыть,
Оно плодится завистью и плетью.
Ведь гения нетрудно оскорбить
И сжить со света незаметной сплетней.

Но Моцарта Сальери не травил,
Легендою пленился Пушкин павший,
Сам Моцарт Моцарта, по-моему, убил,
Сгорел от музыки, его переполнявшей.

О звуки из небесных сфер и звёзд,
Гармония, что музыкой зовется...
Мелодия, что изгоняет в душах злость
Да так, что сердце сладостно забьётся

А на подушках разметалась голова,
Смерть пожирает каждое мгновенье...
Ах, Моцарт! Не спасут ни Бог, ни Сатана,
Бессмертны музыка твоя и ею упоенье.

Ноябрь 1996 г.

Амадей не выращивал роз,
Амадей не писал для народа.
Он вбирал в себя рокоты гроз,
Сокровенные вздохи природы.

Шаловливые смехи детей
И признаний лирический норов,
Небо звёздное, дали путей
И ажурные шпили соборов.

Бег шаров, полуночный бильярд,
Пробуждаются утро и сказка,
Стук вальков, свежий запах белья,
Поцелуй из окна без опаски.

Звук шарманки, спокойный Дунай,
Что устал не от лодочных гонок,
Восходящее солнце и лай
Ошалевших от счастья болонок,

Кринолины воздушных кузин,
Словно облачко в фазе томленья,
Платья шорохи, взгляды мужчин –
Приоткрытая книга волненья.

Ах, амуры, плетенье словес,
На земле от Венеры сиянье!
В мире царствует вновь политес
Пылких жестов и страстных желаний.

Он ещё для толпы не кумир,
Щупловатый маэстро из Вены,
Но родился бессмертный клавир
Из мелодий расцветшей вербены,

Из каштанов и стайки берёз,
Аромата душистых акаций,
Из восторженных утренних слёз
И улыбок кокетливых граций.

Всё бормочет мотивчик, поёт,
Как на ветке свободная птаха,
Сердце бьётся, трепещет, зовёт
И восходит в мученьях на плаху.

Амадей не выращивал роз,
Амадей не писал для народа...
Он загадка для нас и вопрос,
Он рывок в небеса и свободу.

Август 2000 года.

Венский вальс

«Когда народ танцует, он не опасен.»
Меттерних

Роскошные дворцы, зелёные поляны
И море орхидей, тюльпанов, лилий, роз.
Ликуют в парках царственных фонтаны,
Взмывая в воздух мириады брызг и рос.

Ожили статуи бессмертных олимпийцев,
Их мрамор сердце греет и бодрит,
И кажется, что из лугов крутых, альпийских
Сюда нагрянет Пан, весёлый бог игры.

О Вена! Город мой на голубом Дунае,
Жемчужина, добытая со дна на свет,
Орфей и Эвридика суть твою узнали
И наградили счастьем танцевать и петь.

Он просыпается не поздно и не рано
Под звуки скрипок и протяжный нищих крик,
Чудесный шпиль прекрасного Стефана
Иглою вновь таранит неба лик.

Скользит напевно вальс, изящный и ажурный,
В нем венца радостная светится душа.
Она играет то в любовь, то в жмурки,
И на волнах веков проносится, кружась.

И вот танцует вся блистательная Вена,
Триумфы вальса – между Штраусами спор.
И в хрусталях Клик божественная пена
Разбудит в сердце страсть, туманя женский взор.

Как в мире преходящи люди, годы, даты!
Минувшее как сон, а будущего нет,
Но вечен гений вальса, музыки и лада,
Он льётся из глубин, волшебник и поэт.

Ноябрь 1996 год.

Наступало вербное воскресенье...

У вербы набухли почки. Она в ожиданье рожденья
Зеленой листвы запашистой, надежда – не прошлый снег.
И все учащенное сердца восторженное биенье,
И все сумасшедшее стрелки по кругу любовный бег.

Природа - она вещунья, предчувствует зиму и холод,
Что вскоре нагрянет лето; черемуха дышит весной.
Но человек - вот - загадка. Он древний запутанный город,
Вместилище тайн он и песня, тропинка в глуши лесной.

Какой ожидается вечер? Тихий, спокойный, вербный...
А может с грозой и бурей, где души играют в молчок?
Признаюсь с улыбкой грустной, и Вы мне на миг поверьте:
Бег жизни не остановишь, хоть кончил крутиться волчок.

А в мире сияет солнце, и радуют смехом дети,
Конечно, беды растают, сыграет нам песню рожок.
Как веет прохладой с поля в денечки апрельские эти,
И катит под скрипку Вивальди беспечный любви возок!

Апрель 1997 г.

Фредерик Шопен

В раскрытое окно прохладой с поля веет,
И белый кипень яблонь радует глаза.
Вчера под четкий ритм дождя и птичий щебет
Прошлась в задорном марше майская гроза.

Волнует снова нас вселенский ветер странствий,
И западает в сердце музыка любви,
Мелодия в душе, как отзвук первой страсти,
Рождается, растет и зреет изнутри.

Повсюду вьется плющ, снедаемый тревогой,
И звезды гаснут в небе сером и пустом,
Вдруг тонкий солнца луч, как весточка от бога,
Надеждой скромной озарил в Шафарне* дом.

В нем тишина, покой, рояль в углу гостиной.
Разбросан ворох нот на крашеном полу,
Возникший женский призрак в белом кринолине
Танцует полонез и убегает в мглу.

Наступит жаркий день ... и слышится бельканто,
Поместье пробудилось, и шумит корчма.
Ясновельможный пан с усаемым музыкантом
Творят дуэтом вдохновенный взмах смычка:

Звучат многострадальной родины стенанья,
Порыв к свободе, счастья светлая мечта
В той щедрой музыке, не ищущей признанья.
Шопен, Шопен, в веках поющая звезда!

Июнь 1997 г.

* Шафарня – поместье друга Шопена Домуса Дзеваневского

Мурлычет песню девочка блатная,
Впадая в раж и слезы, вздохи, смех и блажь.
У ней мордашка в ямочках шальная
И чуден ножек розовеющий пейзаж.

Вульгарна но потешна, бог ей в судьи,
Но свет струится из прекрасного лица.
Ума чуть-чуть, но как танцуют груди,
Она цветет всегда и в плен берет сердца.

А я сижу, насмешливый и ушлый,
И нет совсем во мне наивности святой.
Она без страха может в грязь и лужу,
Она с кичмана, ей не нужен мой покой.

Во мне смешались жалость и желание,
Я весь - вопрос. Так что ж меня так увлекло?
И легче тут щенку по кличке Даня,
Ему бы матери тепло и молоко.

Как далеки мы все от идеала!
Но в жизни есть другая логика и страсть,
А я играю бесталанно, вяло,
Я жертва глупая, что угодила в снасть.

1997 г.

Какая музыка звучала
Сегодня в городском саду!
В ней столько света и печали
И веры в горнюю звезду.

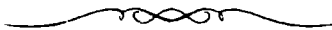
Душа безмерного желала,
Всё пело и к тебе рвалось,
И небо знаками являло
Судьбу и что в неё сплелось.

Я счастлив был, грустил в свиданье,
Я зрячим слыл и стал слепым,
Я был жестоким в обаянье,
Я был мишенью – и любим.

Во мне перемешались грани,
Задатки матери, отца.
И я стараюсь, как ни странно.
Раскрыть предвиденье Творца.

Но обречён в своих стремленьях,
Я просто рана, страх и крик,
Я жизнь! И не распутать звенья
Из грязи, боли и вериг.

Июль 1997 г.

Дождик безутешно с неба льет,
Пелена собою мир застлала...
Над кварталом музыка плывет,
И она врасплох меня застала.

Как ее мелодия чиста!
И душа по-прежнему живая,
И всплывает в памяти звезда,
Юная, прекрасная, нагая...

Я забыл про возраст и дела,
Весь промок до нитки, замирая,
Кажется, что песня завлекла
В домик, где любовь царит, играя.

И кольнет пронзительно внутри,
Сердце вдруг замрет и оборвется,
Музыка, со мною не дури,
Мне еще удача улыбнется.

Дождь прошел, и так свежо окрест,
Дышится легко, цветок взбодрился,
И сквозь серый занавес небес
Солнца луч к ногам моим спустился.

Август 1997 г.

Я безутешен – мир смеется в корчах,
Я нем – кругом великий гам стоит,
Я одинок – толпа глумиться хочет,
Достоинство бы надо сохранить...

Аккордеон весь в ритмах и печали,
Танцую танго я опять с тобой,
Баркас любви уже давно отчалил,
Его уносит в даль морской прибой.

Слагает ветер ямбы и хореи,
Повсюду лист летает и кружит,
Таинственно скрипят в дворах качели,
О как еще мне хочется пожить!

Листвы полно, ее ковер пушистый
Порою грустно под ногой шуршит,
И неба окоём, от хмари чистый,
Октавою любви в душе звучит.

Но где же ты, любимая? О где ты?
Скорей на зов откликнись, не таись...
Проснись, душа! Лучом согрейся света...
И жажда жизни снова возродись!

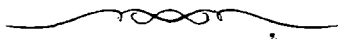
Сентябрь 1997 г.

Звезда любви

Л. П...

Звезда любви нам шлет с небес привет,
Победно запыхав сквозь дали и препоны,
Она, то льющий в сердце яркий свет,
То всплеск зари, душевных волн на небосклоне
Как нежно согревает солнце нас,
Как упоителен последний месяц лета!..
Прощай, мой друг! Любви станцуем вальс,
И песенка моя совсем еще не спета.

Сентябрь 1997 г.

Упоительный шорох дождя
Мне сегодня о чём-то напомнил
И, сиренью тревожно дыша,
Ворошил мою душу, неволил.
А потом с туеском, без гроша,
Он по крышам весь день барабанил,
Как шаман, над костром ворожа,
То плясал, то шептал, то гнусавил.
И я вспомнил про нашу любовь,
Про вечерний закат и криницу,
Про журчащую музыку слов,
Утро раннее, в речке зарницу,
Про зелёный шатёр до небес,
Где гуляют улыбки и смехи,
Где из радуги красок замес -
Пейзажистам укор и помеха.
И не верится мне в этот день,
Что должник у безжалостной гостыи,
Что не будет грустить милой тень
На моём придорожном погосте.

08.01.1998 г.

В золотых колосьях хлеба, в пересвистах злюки-ветра
И в медвяном зное полдня, истомившегося зря,
В птичьем щебете горлянок и птенцов, ходящих фертом,
Я услышу под волынку голос юный сентября.

Я услышу и постигну, я постигну и приемлю,
Я приемлю всю болью крики журавлиных стай,
Не отвергни в мире дольном ты меня и эту землю,
Лучше нежностью и небом, лучше светом очищай.

Ну а если всё замолкнет?! Холод, морок и бесстрашие...
И исчезнет в сердце песня, от безлюбья загрузив,
Женщина тогда похожа на суровое ненастье,
На поля без первых всходов и берёзу без листвы.

Только музыка прольётся в стройных тактах менуэта,
И душа цветком взбодрится в травном пологе ковра,
Женщина в любви, поверьте, непогашенное лето,
В ней тепла и солнца столько, сколько света и добра.

Нет, не лестью и не ложью строчки эти людям дышат,
В них раздумья и печали, сокровенное, порыв...
Может быть, их с пониманьем и радушием услышат,
Вдруг в словесных закорюках сердца исповедь открыв.

08.01. 1998 г.

В светлую ночь.

Мерцает дальняя звезда,
И боль высверливает зондом.
Кричат тоскливо поезда
И убегают к горизонту.

А за рекой дымком курит...
Как трудно, будто оскорблённый,
Жить разделённым изнутри
В стране бездумно разделённой,

А кровь из терпкого вина
Под ритм вздыхающего танго
Разбудит сердце у меня
В галопе бешеном мустанга.

Причина этому одна:
Она с бессмертными ногами!
Смешно... но не моя вина,
Такое может быть и с вами.

Мая 1998 г.

Облетает с яблонь цвет,
Облетает.
На душе небесный след
Не растает.

Ах ты, яблонька моя.
Свет от Бога,
Как же я люблю тебя,
И без срока.

Клёны девичью красу
Охраняют,
Честь свою в лихом лесу
Не роняют.

Потерял я тропку к ней,
Заблудился,
И на сердце суховей
Воцарился.

Не проходит всё печаль,
Не проходит.
Гаснет медленно свеча,
Тени бродят.

Лес кудрявый и хмельной
Зеленеет.
Жизнь не ссорится со мной.
Счастьем веет!

Июнь 1998 г.

Ироническая песенка

Лягушки квакали в болоте,
Сирень душистая цвела,
И солнце плыло в позолоте,
Когда любимая прошла.

Её походкой очарован,
Смешон и робок, как всегда,
На месте спотыкаюсь ровном,
Как в небе пьяная звезда.

Она прошла, шурша шелками,
Пылая в вишенном соку,
А я, как столб, стою с цветами
И всё очнуться не могу.

Так жизнь пролетела птицей
И унеслась куда-то в даль,
Но мне кудрявая всё снится,
Как глупо, что её проспал!

Припев:

Ква-ква, ква-ква, ква-ква,
Не люби издалека,
Не люби издалека -
Вот мораль на все века.

Июнь 1998 г.

Так в чём моя судьба? Скажи, цыганка...
Тебе дано немного прозреть.
Какая грусть звучит в напевах танго
Про то, когда и где мне умереть!

Ты поддержи своим огнём и взглядом,
Спаси от той тоски, в какой живу...
Нам всё равно не быть друг с другом рядом,
Как не дано свершиться волшебству.

Хочу забыться, чтобы возродиться,
Вновь ощутить блаженство торжества,
Чтоб в полной мере ощутить на лицах
Дыхание любви и Божества.

31.08.2002.

Романс

Сегодня в парке «Вальс цветов» играют.
Я жду Тебя...
Сегодня любят, мучают, бросают...
Как без Тебя?

А над паркетом дух любви порхает,
Но нет Тебя...
Моя надежда здесь последней умирает,
Люблю Тебя!

Оборвалась струна, и нету мочи...
Молю Тебя...
И наступают мрак и ужас ночи...
Хочу Тебя!

Июль 1998 г.

Орфей

Орфей полюбил Эвридику и, очаровав её звуками кифары, взял в жёны. Когда её преследовал влюблённый пастух Аристей, она, убегая, наступила на змею и умерла. Потом её супруг спустился в подземное царство, и ему поставили условие, чтобы он не оборачивался и не смотрел на нее. Когда он обернулся и посмотрел на неё, то второй раз утратил её.

Фульгенций. Мифы.

Поют изумрудные волны,
Взлетает над ними дельфин,
Задором и радостью полный,
Игривых морей властелин.

На нем загорелый до бронзы
С кифарой фракиец Орфей,
Венчают багряные розы
Завитки смолистых кудрей.

Сын нимфы речной Каллиопы,
Загра наследник прямой,
Среди кифаредов Европы
Он самый искусный притом.

Играет - и всё замолкает,
Поёт - никакой кутерьмы,
И голосу бога внимает
Пёс Кербер из логова тьмы.

«Арго» с хитроватым Ясоном
Плыл, слушая голос судьбы.
Мелодию пели на склонах
И чтили законы любви.

К Орфею склоняюсь Эвридика,
Тут сердце вручала своё,
Под кронами лиственниц диких
Обрёл он объятья её.

А счастье ничем не измерить,
Любовь их, как сон, глубока,
И можно по стрелкам проверить,
Что время ей миг, не века.

Спасаясь от ласк Аристея
Под трубные крики осла,
Супруга тревожить не смея,
Укуса змеи не снесла.

Как мир наш трагичен и тесен!
Любви угасает звезда,
И звуков орфеевых песен
Не слышать уже никогда.

Орфей безутешен был в чувствах,
Пытался хоть что-то свершить,
Но всё же бессильно искусство
Загадку Творца разрешить.

Как пресен бег нынешней жизни,
И воем в тоске ураган.
Орфей, не прими укоризны,
Мы любим твой плен и обман!

Июль 1998 г.

Аккордеон играет на прощанье
Мелодию любви.
О, клавишей озёрное сверканье,
Восторг в крови!

Слетает лист... кружась, порхая,
Луч солнца на окне.
У осени и лета нет раздвая,
Всё дышит и во сне.

Как будто бы замедленная съёмка,
Природа песен ждёт.
Мы умираем тихо и негромко,
Как лист, что упадёт.

А танго упоительно, прекрасно,
Красиво так кругом...
Мелодия звучит... и не напрасно,
Не будь её врагом.

Но с грустью никому не сладить,
Поёт во мне, в тебе...
Печаль светла и всюду правит свадьбы,
Она в любой судьбе.

Вдруг ветер расшалился окаянный,
Бродягу не лови...
Аккордеон играет на прощанье
Мелодию любви.

Октябрь 1998 г.

Как обмирает скрипка в томительном пассаже,
Как затихает сердце, стуча в последний раз!
Я та кариатида в проёмах Эрмитажа,
Я та гримаса боли, что людям напоказ.

Но в миг, когда предстала передо мною Вечность,
Когда дыхание в лёгких отслаивалось в ночь,
Я, падая на землю, постиг свою беспечность,
Постиг, но слишком поздно. Уйди, надежда, прочь!

Но вспомнится мне домик, где ликовало детство,
Где мать смывала беды с мальчишней головы,
Где я не мог, печалюсь, найти от страсти средство,
От юности мятежной и странностей любви.

Лежу безгласный, бледный, недвижимый, слишком странный,
И вряд ли мне поможет тампон с нашатырём.
Отправился я, видно, в заоблачные страны,
В заоблачные дали, в свой постоянный дом.

Замолкла скрипки песня. Смычок теперь не нужен.
И завладела Вечность пространством навсегда.
О как мне дорог месяц, что отразился в луже,
И шорох вешних капель, и пьяная звезда!

Ноябрь 1998 г.

День рождения - день одиночества.
Все шумят, а во мне тишина...
И химеры рождаются творчества
В той душе, что почти сожжена.

Как трепещет она, мотыльковая,
В танце страсти, сжигая себя!
Слишком нежная, хрупкая, вдовая,
Пепел стряхивая и любя.

10 декабря, 1998 г.

В каких краях, в каком Отечестве
Я обрету свою судьбу?
Как всё во мне мятётся, мечется
И выливается в борьбу,
В борьбу предчувствий, страха, ревности
И неуверенности в том,
Что существуют зона Верности
И остров, что зовётся Дом.

Кто есть она, моя избранница,
Та, для которой я Весна,
И неужели эта странница
Вновь не найдёт в миру меня?

Но нет борьбы, а есть сомнение
В себе, в друзьях и в тех, кто мил.
Верни мне, Боже, вдохновение
И счастья творческого пыл!

И в редкие минуты горести
Тоску на клочья изорви ...
И зазвучит вдруг в муках совести
Простой до слёз мотив любви.

Июль 1999 г.

Бог трав, цветов и ароматов лета,
Языческий вещун и озорник,
С утра шалит. И юркий зайчик света
Прыг по траве... И день из тьмы возник.

Пусть ветра набегающие волны
Кольшут вновь короны облаков,
И солнца диск, лучами землю полня,
С улыбкой греет скверы городов.

И зазвучала музыка Россини
В сумбуре карнавала майских дней.
А небосклон сегодня синий, синий,
И ощущение счастья всё сильнее.

1 мая 1999 г.

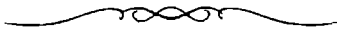
В таинственных созвездьях неба
Не жду ответа на вопрос.
Мы быстро, неуклонно, слепо
Скользим под жизненный откос.

Стремятся стрелки циферблата
В безумной спешке наобум,
Бездарно отмеряя плату
За сытость и продажный ум.

А растеряться очень просто,
Когда кругом такой бедлам,
В котором вновь тоскуют гвозди
По многочисленным гробам.

Все проклинять?! Чего же проще
Унынью нас не одолеть.
Я лучше в соловьиной роще
До самой смерти буду петь!

Июнь 1999 г.

Играет дудочка, в ней музыка такая,
Что слёзы навернулись невпопад.
Печаль поёт навзрыд, в ней сила неземная,
Рай не спасенье, но надежда – ад.

Я соткан из судьбы и мук противоречья,
Но как же не хватает красоты,
Ума и откровений, нежности и речи
И даже чудо, вдохновенья, правды, доброты...

Мы изолгались, истошились, огрубели,
В нас что-то опустело навсегда.
В страну любви мы с вами так и не успели,
Пока один Всевышний нам судья.

Играет дудочка... Мелодия не стихла.
О, Боже, дай мгновению уснуть,
И взрывом чувства и могучего инстинкта
Громаду горя счастьем обернуть.

Ноябрь 1999 г.

Интермеццо.

Закружила меня печаль
В танце осени златотканой,
И пронзительно закричал,
С ней прощаясь, певец свиданий.

А дожди сменились тоской,
Ветер вольно резвится в рощах,
Он хозяин, а не изгой,
Он у осени стяг полощет.

Молит чистый от слёз родник
О союзе неба и лилий.
Образ хрупкой любви возник
В лабиринте тайн и извилин.

Жухлый лист уносит в декабрь
По дорожке узкой и стылой,
И мороз - молодой дикарь –
Расправляет белые крылья.

Знаю я, что будет со мной,
Знаю я, что случится с нами:
Мы заплатим горькой ценой
За горящее ярко пламя.

Ноябрь 1999 г.

Как кровь мучительно тоскует,
А выхода всё нет и нет.
И обмирает и блефует
Душа в потемках долгих лет.

Ей не даны порывы счастья,
Она когда-нибудь уснёт
И скроется под пеплом страсти,
Всё растранижив, что найдет.

Но я живу надеждой странной,
Что где-то там, где нет меня,
В стране, далёкой, необманной,
Проснётся умершее «я».

И заиграет скрипка томно
В саду, где дети и скамьи...
И женщина с улыбкой скромной
Вручит мне яблоко любви.

Март 2000 г.

Новеллетта.

Я устало бреду этой ночью тобою оболган.
Столько пыльных кустов и поникших цветов...
Для меня не струится уж свет долгожданный из окон.
Как нам встретиться в лучшем из райских садов?!

Полыхнула зарница. И стало светлее отчасти.
Громыкнуло... И что-то свершилось впотьмах.
Я живу не надеждой, а только теплом и участием,
Свыше знак для меня – в небе молний зигзаг.

Вдруг зажглось окно. В этом доме кому-то не спится.
Вновь исторгла тоска из себя темноту.
У кого-то бессонница вдруг и тревога на лицах,
У кого-то подбили на взлёте мечту.

Как обрушились с неба на мир этот яростно капли,
Поливая дома, всё на свете, меня...
Свет в окне погасили, и чувства от влаги иззябли,
Задышала тревожно земля, никого не вина.

Март, 2000 г.

Шутка для гитары с оркестром.

Зачем так бедствуешь, душа?
Все люди в спячке.
И поспешаешь не спеша,
Моя гордячка.

Я весь обросший и худой,
Зато бедовый.
С гитарой, чуточку бухой,
Как пень, здоровый.

Пою про мать свою, отца,
Хриплю с надрывом.
И проклиная подлеца
Взахлёб, в порыве.

Бродяга я, скиталец я,
Тут нет ошибки.
Ищу - не нахожу себя
В весёлой спшибке.

Надулась милка, как индюк,
И ходит важно.
Я жажду от любви услуг,
В глазах так влажно.

Целую грудь её на сон.
Я дерзкий, падкий.
Но почему молчит ООН
И нет разрядки?

Разрядки нет и мира нет,
Храпит подруга...
О боже! Где же тет-а-тет?
Одна лишь скука...

Март 2000 г.

Шахтерская богиня.

Баллада.

3. Х:...

У террикона в городке шахтерском
Под солнца зной и марш из медных труб
Девчонка всех с походочкою броской
Сияньем озарила алых губ.

Поникли фраера и хулиганы,
И ламп огни умерили свой свет.
И заурчали в честь её фонтаны,
Цветы пропели пламенный привет.

А я, глаза тараща, как разиня,
Вдруг пригласил ее потанцевать,
И согласилась тут шахтерская богиня.
Ах, как мне хочется ее поцеловать!

Звучали ритмы из Оскара Строка,
То были танго, шимми и фокстрот,
И замирали парочки до срока,
Блаженством полня каждый поворот.

Я помню платьице из креп-жоржета,
Глаза, улыбку и копну волос...
В восторге я, и в бликах полусвета
Целую в губы, ткнулся прямо в нос.

Конфуз такой не вынесла природа,
Смутился, покраснел и как-то сник.
Тут засмеялась милая и вроде
Меня простила за неловкий миг.

А вечером, когда луна восходит,
Ребят шахтерских дружная семья.
Что по поселку шастает и бродит,
Меня избила за красотку... и весьма.

Недосчитался я зубов и ребер,
Болела челюсть, цвел в глазу синяк.
Но я был счастлив, как герой из опер,
Я в гипсе пел, все думали: «Дурак!»

Уж столько лет прошло с того танцзала,
Но в памяти свежо стоят: она,
Богиня из шахтерского квартала,
И юности восторженной весна.

Июнь 2000 г.

Музыка

А. Кадырову

А музыка в себе любовь таила,
А музыка в себе печаль несла
И завораживала, и манила,
И околдовывала, и звала...

Она вторгалась в сердце не на шутку,
Весь космос полонив синкопой гроз,
И было на душе так сладко, жутко,
И было невтерпеж до боли и до слез.

Плененный вновь ее великой силой,
Забыв про суету и злобу дня,
Про то, как ты меня опять простила,
Как ублажала, мучила до дна...

Сомнамбула, притянутая светом,
Я, как прилив, отлив и вновь прилив,
Ведомый звуками в когда-то, в где-то,
Влекомый тихим шумом грустных ив.

Молю: «Остановите наваждение,
Ведь я могу вот-вот сойти с ума,
Вдруг сердца оборвется нить биенья,
Остановите сладостный дурман!»

Июль 2000 г.

Ты играла на флейте любви
Неземную мелодию страсти,
И мой дух замирал до глубин,
И душа ворковала от счастья.

Пальцы флейту ласкали кругом
И меняли тональность, регистры...
Губы прочно срослись с мундштуком,
Извлекая из чувств наших искры.

Ты, как ангел, спустилась с небес
И пленила меня, как колдунья,
А игра твоя свыше чудес,
В ней волшебная власть полнолуны.

Помню вечер... и мыслей разброд,
Розу счастья, мне данную в руки,
Флейту, пальцы и чувственный рот,
И любви торжествующей звуки.

Я собой не владел в этот миг,
И в восторге святом вдохновенья
К розе алой губами приник,
И раскрылась она с откровеньем.

Лепестки, лепестки... и роса,
Увлажнённые абрисы сада...
И взмывает мелодия вся
К небу звёздному звонкой руладой.

Никогда не забуду я той
Изнутри возникающей сказки
С этой музыкой, этой игрой
Белоснежными пальцами ласки.

Июль, 2000 г.

Снег выпал на Покров. Обильный, щедрый...
Он нас предупредил о том, что впереди.
Затем вослед вдруг разгулялись ветры,
Завыли и задули в две свои дуды.

Одна, что саксофон, протяжно, чудно
Поет грудным сердечным голосом зиму,
Тромбон – другая, и она прилюдно
Взмывает вверх осипшим басом во хмелю.

Не знаю я, в какой мотив мне верить.
Все сложно так, неразделимо и темно,
Но где-то там, в покоях райской сферы,
Вдруг загорелось ночью нам любви окно.

Спасибо за надежду и сиянье,
Спасибо, Боже, за тепло твоей свечи!
И мы стоим, как в бронзе изваянья,
С мольбой огромной и раскаявшись почти.

Октябрь 2000 г.

З.Х...

Ты для меня прекраснейший цветок,
Раскрывший красоту небес, их блеск,
И терпкий аромат лесных дорог,
Ликующей души сердечный всплеск.

Но есть в тебе такая сторона,
Ее пытаюсь в муках разгадать.
И убегает со смешком она,
А я у ног твоих, и что роптать!

На волоске скрипичного смычка¹
Рождается любви моей рассказ.
Его мотив, пьянящий всех слегка,
Как тайна, призывает к счастью нас.

Ноябрь 2000 г.

Танго.

З.Х...

Мы с тобой в едином ритме танго
Слиты

и танцуем жизнь свою.
А любовь, подобно бумерангу,
Ранит нас безумствами в раю.

Ах, ее уколы так смертельны
И желанны,
с нею в мир плыву.
И смотрю,
танцующий бездельник,
На твою цветущую красу.

Как меня пленяют эти очи!
Губ призывных рдеющий овал.
Чувств моих восторженный источник,
Грудь, что я любил и целовал!

И взывают к небу звуки танго.
Скоро мы закончим танец свой.
В сердце кровоточащая ранка
Не дает забыть мне образ твой.

Я тебя, конечно, не забуду.
В жизни сад цветущий – это ты.
Дай хотя бы временную ссуду,
Поцелуй твой,
солнца луч из тьмы.

Декабрь 2000 г.

Вацлав Нижинский

Каждое его движение – это была поэзия.
Каждый прыжок – полет в страну фантазии.
Чарли Чаплин

Он в воздухе парит, и сила притяженья
Ему не может в этом помешать.
Он – дух полета, вне служенья и княженья,
Он – гений, и ему судьбу решать.

В восторге и слезах парижская богема,
Пресыщенности след в глазах исчез...
И возникает сцена из античной геммы,
Где нимфа с фавном жаждут скрыться в лес.

Какая красота движений, пируэтов,
Какая мощь в прыжках и страсть взлетать!
И танца снова власть, как слово у поэта,
Что заставляет мертвых оживать.

Дикарь и мастер вместе, чудо вдохновенья,
Творец любви, сжигающий себя,
России дух крылатый, ветра дуновенье
И мук своих не вынесший судья.

Безумье раннее его с часами сверьте...
А дальше жизни роковой финал,
Когда в тоске и ожиданье смерти
Он слово «матушка» в бреду шептал.

Кого назвал? Нам не найти судьбы ответ:
Элеонору-мать,
 жену,
 а может Смерть.

Январь 2001 г.

Где-то рядом звучат переборы гитары,
И подолгу в смятенье душа.
Почему же фортуна моя не в ударе?
Я не дам за нее и гроша.

А она скуповата, увы, по натуре,
И гитара замолкла в ночи.
Одному тошновато, пожалуй, до дури,
Еще хуже вдвоем, хоть кричи.

Тьма крошечная съела безбрежное небо,
Провалилась планета в дыру.
Только месяца серп, куролеса нелепо,
Освещает деляну в лесу.

Я стою, весь похожий на вопрос без ответа,
И не знаю: зачем я живу?
Тает жизнь, убегая от слабого света,
Но вдогонку ее не зову.

Январь 2001 г.

Сонатина.

Я не святой, а просветленный
Любовью пламенной вдвойне,
Так тянется смычок влюбленный
К певучей трепетной струне.

Он прикоснется слишком нежно,
Души твоей не погубив,
От этих ласк, простых, неспешных
Возникнет музыка любви.

И скрипка запоеет на вздохе,
Доверившись моим рукам,
Чтоб небо вдруг раскрыло взоры
И заглянуло в души к нам.

Я не святой, а только пленник
Мелодии той неземной,
Похожий на зеленый ельник,
Что очарован так Зимой.

Февраль 2001 г.

Молчит гармонь.

Г. Заволокину

Гармонь российская скорбит на полустанке,
Её избранник в мир иной ушёл.
Деревни, города, посёлки, веси, страны
Грустят о том, кто песни был посол.

Но обретала Русь в соцветьях дня и красок
Ту музу, что не раз спасала дом.
Он космос новый из народных песен, плясок
Творил талантом, волей и трудом.

Заволокли Россию тучи и напасти,
Замолк на время у тальянки лад.
Геннадий был её лучом любви и счастья
И песней, что так красит жизни сад.

20.07.2001

Аккордеон рыдает во дворе,
Багряный лист слетает напоследок,
А солнца луч так редок на заре,
И голос в грусти – песня не допета.

Как звуки душу бережат во мне!
Как ветер-флейта жалуется, манит...
И женщина уходит не во сне,
Она уходит от меня и в тайну.

Я снова испытаю боль до дна,
А ночь возможно даст на час забыться.
Из униженья и обиды дня
Я должен к жизни, к счастью возродиться.

Мучительным путем я к ней бреду,
Она - сплошной клубок противоречий.
Но Ариадны нить я все ж найду,
И поцелуй любви меня излечит.

Май 2001 г.

В жизни нашей, то хрупкой, то зыбкой,
Есть печальный и грустный мотив,
Он, как плачущий голос у скрипки,
Что истаял, себя поглотив.

Я не знаю, зачем этим летом
Что-то делаю, где-то спешу ...
Может смерть, что придёт на рассвете,
Мне поведает тайну свою.

Нет пока ещё этой разгадки ...
Как сложна она, Боже, сложна!
Вот и мучает вечности сказка
Про волшебную терпкость вина,

Про какую-то высшую силу,
Что из света, тепла и любви
Во вселенной всю жизнь пробудила,
Чтобы сердце забилося в груди,

Чтобы Шар не распался на части,
Не на сутки и даже на век,
Изливайся, мелодия страсти,
И волной устремляйся в разбег!

В этом гибельном чудном восторге
Будут дети рождаться, стихи,
Будут песни звучать на просторе
И мычать от волнения быки.

Июль 2001 г.

Джаз и танцовщица

О джаз мой, вместилище ритмов и страсти,
Ты так зажигателен, звучен и властен,
Что, слушая зов твой, неожиданный и смелый,
Взлетает на подиум женское тело.

В нём бёдер рисунок, округлости линий,
Метафоры рук и движенья богини...
Восторг пробирает меня до экстаза
От звуков, синкопов, мелодии джаза.

Торжественно, празднично, с нежностью редкой
Поёт саксофон о любви безответной,
И гордый тромбон вновь с трубой серебристой
Вовсю состязается, пылок, неистов.

Ударник безумствует в ритме там-тама
Под всхлипы и смешики в стиле регтайма,
Лиловый игрок, что за чёрным роялем
По клавишам аспидным бьёт слишком рьяно.

А смуглое тело в прыжках и изломах
Дарило всем радость: «Я тоже не промах!»
И был я в плену у негроидной музыки
Под звуки рыдающей магии блюза.

04.01.2003 г.

Стихия звуков и космическая воля
Слились в одну мелодию небес.
В ней нет обид, надрыва, похоти, разбоя,
В ней зов любви и музыка чудес.

Я помню дом с резьбой по дереву на ставнях
И куст сирени, что украсил двор.
Дом с детства был мне друг, защитник и наставник.
Как много прошумело дней с тех пор!

А дождь шептал на ухо тайны мирозданья,
Цветы своей красою радовали глаз,
Мне облака раскрыли суть признанья,
Из слов сплетая речи нежной вязь.

Но дома больше нет, спилили куст сирени,
На месте том урод-гараж торчит.
Он в ржавых пятнах, часто плачет с замиреньем,
Облезлый вид его кровоточит.

И неужели все не повторится снова:
Закат на небе, гул ишимских струй,
Сирени обморок и томик Казановы,
Веселый сердца стук... и поцелуй.

Вдруг снизойдет на сердце музыка печали,
И мир предстанет в грусти и красе.
Нас ненароком слишком часто обижали,
Любили реже... это скажут все.

20.05.2000 г.

И выплеснул Творец на землю теплый дождь,
Чтоб души высохшие ожили на время,
Чтоб сказкой расцвели сады, чтоб счастья дрожь
Нас пронизала властно, вылившись в поэмы.

Несу в себе с молчаньем уж не первый год
Грехи и воз из заблуждений тяжких, бремя,
Помечен ими крепко человеческий род,
А я лишь только знак из скучной теоремы.

Но вот омыл меня желанной страсти дождь,
И сердце востепенулось, музыке той внемля,
Душа раскрылась для любви, сметая ложь,
И правду обрела, как почву острый лемех.

Любимым быть хочу, с восторгом обожать
Ту красоту, что порождает в сердце смуту,
Которую забудем, как родную мать,
Но вспомним быстро вновь в предсмертные минуты

30 августа 2001 г.

Элегия.

Пусть огонёк далёкий из окна
Сквозь ночи мрак мне светит, как и прежде,
Пусть голос твой волнуется слегка,
Он в душу мне запал, как миг надежды.

Я так плутал, я изнемог в пути,
Одежда – стыд и срам – вся в клочьях рваных,
А сам я только тень, как ни крути,
На сердце и в душе одни лишь раны.

Но жаловаться грех, не так поймут,
А впереди зияющая бездна,
И сколько в жизни не было бы смут –
Финал один... Но есть ещё и песня.

Она во мне, как робкий ручеёк,
Рождается и рвётся словом к свету...
И вдруг затихли крики, топот ног –
Из уст немых возникла речь поэта.

И ради этой истины святой
Я обретаю хрупкую надежду...
Как мне она нужна, и не впервой
Лишь только с ней я стану безмятежным.

13.10.2002 г.

О музыка, колдунья и вещунья,
Ты волшебство и обморок души,
Гармония из звуков, щебетунья,
Тебя ничто не сможет заглушить.

Я бог, когда во мне ты оживаешь,
Я грусть, когда замолкнешь ты во мгле,
Я счастлив, если ты шалишь, играешь
В судьбе любой... на небе, на земле...

Как ты весной лепечешь и воркуешь
С восторгом, возвращая жизнь сердцам,
Взлетаешь птицею, неожиданно любишь,
Врачуешь души в назиданье нам!

Я пленник твой с рожденья и пеленок,
Не принимаю хаос, разнбой...
Я, может быть, в признаниях неловок,
Но я люблю! И я лишь только твой!

Не покидай в тяжелые минуты,
Я, млечности избранник и поэт,
Коснусь губами, нежный и беспутный,
Души твоей, моя любовь и свет!

21.05.2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. "Музыка – преодоление молчания . . .»	2
2. «Я сторож любви, охраняющий улицу детства»	3
3. «Звучал на небе птиц восторженный оркестр..»	3
4. «Музыка возникло тихо и воочью ...»	4
5. «Песня залетела гостьей нежной . . .»	5
6. Весенний вальс.	6
7. «Любовь, нас увези в глухое Петухово ...»	7
8. «Прощание славянки»	9
9. «Я выглянул в окно ...»	10
10. «Брызги шампанского»	11-12
11. Любовное ретро.	13
12. «Мы все отходы бытия ...»	14
13. «Накатывал вечер сиреневый, мгlistый ...»	15
14. «Амурские волны»	16
15. Весна.	17
16. Осень.	18
17. Моцарт.	19-20
18. «Амадей не выращивал роз ...»	20-21
19. Венский вальс.	22
20. Наступало вербное воскресенье.....	23
21. Фредерик Шопен.	24
22. «Мурлычет песню девочка блатная . . .»	25
23. «Какая музыка звучала ...»	26
24. «Дождик безутешно с неба льет...»	27
25. «Я безутешен – мир смеется в корчах ...»	28
26. Звезда любви.	29
27. «Упоительный шорох дождя ...»	29
28. «В золотых колосьях хлеба, в пересвистах злюки - ветра».	30
29. В светлую ночь.	31
30. «Облетает с яблонь цвет ...»	32
31. Ироническая песенка.	33
32. «Так в чем моя судьба? Скажи цыганка ...»	34
33. Романс.	34
34. Орфей.	35-36

35. «Аккордеон играет на прощанье . . .»	37
36. «Как обмирает скрипка в томительном пассаже»	38
37. «День рождения – день одиночества . . .»	39
38. «В каких краях, в каком Отечестве . . .»	39
39. «Бог трав, цветов и ароматов лета . . .»	40
40. «В таинственных созвездьях неба . . .»	40
41. «Играет дудочка, в ней музыка такая . . .»	41
42. Интермеццо	42
43. «Как кровь мучительно тоскует . . .»	43
44. Новеллетта	44
45. Шутка для гитары с оркестром	45
46. Шахтерская богиня.	47-48
47. Музыка.	48
48. Флейтистка	49
49. Дуэтом	50
50. «Ты для меня прекраснейший цветок . . .»	51
51. Танго.....	52
52. Вацлав Нижинский.	53
53. «Где-то рядом звучат переборы гитары»	54
54. Сонатина	55
55. Гармонь молчит.....	56
56. «Аккардеон рыдает во дворе . . .»	56
57. «В жизни нашей то хрупкой, то зыбкой . . .»	57
58. Джаз и танцовщица.	59
59. «Стихия звуков и космическая воля . . .»	60
60. «И выплеснул Творец на землю теплый дождь . . .»	61
61. Элегия	62
62. «О музыка, колдунья и вещунья . . .»	63

ВАЛЕРИЙ ЛЮБУШИН

В РИТМАХ МУЗЫКИ

ЛИРИКА

Подписано в печать 03.07.2003 г.

Формат А5. Гарнитура Times New Roman. Ризография.

Объем 2,7 уч.изд.л. Тираж 50 экз.

Заказ № 1196. Бумага книжно-журнальная.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом секторе ИТС
Северо-Казахстанского государственного университета